

Мясницкий Иван Ильич

Наши ближние

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
И17

И17 **Иван Ильич М.**
Наши ближние / Мясницкий Иван Ильич – М.: Книга по Требованию, 2023. – 294 с.

ISBN 978-5-519-98461-4

ISBN 978-5-519-98461-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

этомъ, однако, считаю своимъ долгомъ высказать свое мнѣніе...

— Какое, мой другъ?

— Что твоя уборка преждевременна и, слѣдовательно, не имѣетъ подъ собою почвы логики... помилуй, скажи, до праздника осталось больше недѣли, а ты подняла содомъ въ квартирѣ...

— Во-первыхъ, на будущей недѣлѣ мнѣ уборкой заниматься нѣтъ времени: я съ дѣтьми говѣю и нянька съ горничной тоже,—во-вторыхъ...

— Во-вторыхъ и въ-пятыхъ ты всегда права,—я это давно знаю. Хорошъ выйдетъ разсказъ, написанный на бивуакахъ... постой! Неужели и мой кабинетъ въ чистку пустили?

— Разумѣется...

— Очень это глупо твое „разумѣется“... Что онъ тебѣ сдѣлалъ? Хоть бы его-то пощадили... вотъ она какая музыка-то!—отворилъ онъ дверь изъ передней въ залу:—или пожаръ былъ, или французъ,—что-нибудь одно!..

— Пенять, дружочекъ, не на кого... Пеняй на себя.

— Да ужъ, конечно, я виноватъ!.. О, женщины! Чхи! Чхи! Тьфу! Это что за рожа такая пылить?

— А это поденщица...

— Сейчасъ видно, дура деревенская! Ну, что ты, пень дубовый, пыль-то гоняешь, а? Чхи! Апчхи!..

— Будьте здоровы, баринъ! — ухмыльнулся „пень“, отчаянно встряхивая оконныя занавѣски.

— Мерси... Апчхи! Ахъ, чтобъ те провалиться!.. Женья, да я задохнулся здѣсь!..

— А кто тебѣ велить стоять? Уходи!..

— А-апчхи! Тьфу! Непремѣнно у меня завтра насморкъ будетъ!.. Женья! Женья-я-я!..

— Слышу, не глухая. Что тебѣ?

— И она еще спрашиваетъ! Что вы изъ гостиной сдѣлали, а? Настроили какихъ-то баррикадъ, и пройти дальше нельзя!.. Я, сударыня, на войнѣ не былъ и баррикадъ брать не умѣю... Какъ я пройду, спрашивается?

— И не ходи...

— Это еще лучше!.. Повѣситесь мнѣ для васъ прикажете? Мнѣ необходимо въ кабинетъ пройти...

— Такъ иди...

— Тьфу! Сейчасъ же за разрушеніе примусь... Ахъ, проклятыя бабенки!..

Въ гостиной раздался трескъ мебели и руготня Перепелкина.

— Пролѣзъ, что ли? Медвѣдь!—кричала ему жена.

— Это не ваше дѣло!.. Ну, такъ и есть: карманъ у пиджака разорвалъ... Батюшки! Что они изъ моего кабинета-то сдѣлали? Разбойницы! Апчхи!.. Тутъ кто пылить?

— Я-съ, баринъ... Арина!—донесся изъ угла женскій голосъ.

— Арина? Нѣтъ, ты не Арина, а просто дубина! Чхи! Пошла отсюда вонъ!

— Этого я сдѣлать не могу, потому барыня...

— Вонъ!..

— Доложите сперва объ этомъ барынѣ.

— Тьфу! Ахъ, каналъи! Женья! Прогони ты отсюда эту чучелу... Женья-я-я! Женья-я-я! Не слышитъ!.. Дубина, поди сюда!..

— И ходитъ мнѣ къ тебѣ неколи, видишь, дѣломъ занята.

— Поди сюда, тебѣ говорятъ!—оралъ Перепелкинъ.

— Иду, иду... и принесло это его не во-время... Шелъ бы ты, баринъ, отседа, право, шелъ бы...

— Молчать! Чхи! Пойди ближе, рожа африканская! Ты здѣсь убирала?

— Я убирала...

— Вотъ здѣсь, на этомъ столѣ лежала бумага...

— Грамотка, стало быть, писаная?

— Да не грамотка, дура неписаная, а бумага бѣлая... куда ты ее дѣвала?

— И слыхомъ не слыхала, и видомъ не видала...

— Да вѣдь ты здѣсь убирала, или нѣтъ? А?

— Точно что я прибирала...

— Гдѣ бумага?

— Не видала я твоей бумаги... грамотку я писаную со стола сымала, а бумаги не видала...

— Тьфу! И какой только бѣсъ позволилъ тебѣ здѣсь у меня ковыряться, а?

— И не бѣсъ вовсе, а барыня...

— Молчать! Женья! Же-е-е. апчхи! Женья-я-я!..

— Иду, иду! Что случилось?—говорила мадамъ Перепелкина, перетирая что-то на-ходу.

— Гдѣ моя бумага?

— Какая бумага? Твой паспортъ, что ли?

— Да не паспортъ, на кой онъ мнѣ лѣшій! Здѣсь на столѣ лежала чистая бумага... гдѣ она?

— Такъ бы и говорилъ. Я ее въ столъ заперла, Полѣзай ко мнѣ въ карманъ за ключами... на-шелъ?

— И кто васъ просилъ, спрашивается, записать бумагу въ столъ? Кто-съ?

— Странный ты человѣкъ, Митя... запылится она, думаю, или нѣтъ?

— И пусть пылится, это совсѣмъ не ваше дѣло... хорошъ выйдетъ рассказъ, нечего сказать! Тутъ необходимо сосредоточиться, а онѣ злятъ тебя, какъ какую-то шавку... Чернильница гдѣ? Ты, растрепанная, куда чернильницу убрала?

— Отстань ты отъ меня, баринъ, никакой я твоей чернильницы не видала...

— Не видала? Слушай, баба глупая, ты лучше меня не зли... гдѣ чернильница?

— Уйди, запылю! Видишь, драпировку стряхиваю...

— Гдѣ, тебѣ говорятъ... чхи! Апчхи! Тьфу! Женья! Женья-я-я!

— Опять сначала! Что еще надо?— донеслось изъ сосѣдней комнаты.

— Гдѣ перо и чернильница?

— Въ спальнѣ на окнѣ... да уйди ты изъ кабинета-то, не мѣшай Аринѣ убираться...

— Уйду-съ!.. Но только это въ послѣдній разъ! Слышите? Чтобъ ничья рука не смѣла прикасаться къ моему кабинету! Поняли? Довольно-съ?

— Да, вѣдь, пыль, грязь...

— Это мое дѣло. Вамъ не нравится пыль, а мнѣ нравится... чхи! Не махай ты драпировкой-то, ду-урища! безпатентная! Апчхи!.. Тьфу!.. Такой у меня насморкъ завтра будетъ, такой... ну, вотъ и окно, а чернильницы нѣтъ!.. Женья! Женья!.. На окнѣ чернильницы нѣтъ!..

— Да гдѣ же она?

— Это превосходно! Она же убирала и она же спрашиваетъ!..

— Я ее поставила на окно...

— Ну, вотъ оно окно! Вотъ! Гдѣ же чернильница? Въ форточку вылетѣла? А? Въ форточку?

— А это что? Не чернильница, по-твоему?

— Тьфу! Ослѣпъ даже съ вами! Теперь вопросъ, гдѣ я сяду?

— А это ужъ гдѣ хочешь, только не мѣшай ты, пожалуйста, нашей уборкѣ...

— Провалитесь вы всѣ и съ вашей уборкой-то... Но гдѣ я сяду? гдѣ я сяду?

— Да садись здѣсь.

— Здѣсь? На что-съ, позвольте васъ спросить?

— Да вотъ на кровать...

— На кровать? А писать на чемъ стану? А?

— Можешь, вотъ, на этой табуреткѣ...

— Нѣтъ, ты мнѣ это на смѣхъ... положительно на смѣхъ... да вѣдь табуретка-то твоя ниже кровати или нѣтъ? Какъ я на ней писать стану? Сидя вверхъ ногами? А?

— Ну, иди въ дѣтскую, если такъ. Положимъ, тамъ тоже все переворочено, но, по крайней мѣрѣ, найдешь и столъ, и стулья...

— Это чортъ знаетъ что такое! — бормоталъ Перепелкинъ, направляясь въ дѣтскую: — камня на камнѣ не оставили! О, женщины Россійской Имперіи! Доколѣ вы будете пребывать въ косности и... Гриша, ты что тутъ дѣлаешь, а? — увидалъ онъ сына, сидѣвшаго за столомъ.

— Уроки, папочка, готовлю! — отвѣтилъ тотъ.

— Уроки? И для этого весь столъ занялъ? Подвинься на тотъ конецъ, а я здѣсь сяду!.. Ф-фу!.. Ишь нагородили: стулъ на стулъ, да на стулѣ еще стулъ, а наверхъ котенка засадили... тьфу!.. Однако надо начинать... закурю папироску и начну... Куда я только спички дѣвалъ? Гриша, здѣсь нѣтъ спичекъ?

— Нѣтъ, папочка... спросить у мамы?

— Не надо. Еще цѣлый часъ проищете... послѣ покурю. . Гм! Что это какъ будто дуетъ? А?

— Форточка, должно быть, не притворена какъ слѣдуетъ... притворить, папочка?

— А ты ужъ радъ случаю отъ уроковъ бѣжать? Не надо. Сиди и зубри... Гм!.. О чемъ

писать? И вообще въ какомъ духѣ: въ драматическомъ, сентиментальномъ или юмористическомъ? Вопросъ! А все эти бабы... шелъ домой—была идея; какъ пришелъ—связался съ бабами, и идея улетѣла... лови ее теперь, поди!

— Кто, папочка, улетѣла? Ужъ не канарейка ли наша?

— Не твое дѣло. Сиди и зубри. Гм! хорошая идея была, и вдругъ... стой! Накатаю-ка я въ сентиментальномъ... публика до сентиментовъ-то охоча... „Двѣ любви. Разсказъ. Глава первая“... Съ чего начать? Съ описанія природы, или... Катну съ природы. „Юньскій вечеръ 188* года тихо спускался на землю. Въ старомъ тѣнистомъ саду, принадлежавшемъ богатому помѣщику N—го уѣзда, было и прохладно и уютно. Лѣто этого года было особенно жаркое“...

— Папочка! Ты не знаешь, какъ звали жену Іоанна Третьяго?

— Какого Іоанна Третьяго?

— Какъ какого? Великаго князя московскаго! Неужели ты не знаешь?

— Мало ли я что знаю, но изъ этого совсѣмъ не слѣдуетъ, чтобъ и ты это зналъ... тьфу! Не то! Что тебѣ отъ меня надо?

— Какъ звали жену Іоанна Третьяго.

— А я почему знаю... то-есть знаю, но... ты видишь, я занятъ! Возьми исторію и посмотри!

— Да „исторію-то“ съ уборкой куда-то убрали...

— А я виноватъ, а? Я виноватъ, что твою

исторію убрали? Можетъ, изъ нея пыль выколачиваютъ? Сиди и зубри... „лѣто было жаркое!.. жаркое... жаркое“...

— А въ которомъ году онъ умеръ, ты тоже не знаешь?

— Кто умеръ? Кто-съ?

— Іоаннъ Третій ..

— Нѣтъ, скажи пожалуйста, что ты ко мнѣ привязываешься, а? Что жъ я, по-твоему, у него на похоронахъ былъ, а?

— Да, вѣдь, ты же училъ исторію, папа...

— Ну, и училъ. Что жъ изъ этого? Да я какой, какой только дряни не переучилъ... Вотъ, напримѣръ... нѣтъ, стой! Съ какой стати я съ тобой говорю и зачѣмъ ты ко мнѣ, скверный мальчишка, пристаешь? Ты видишь, я пишу...

— Вижу. Я думаю, папа, тебѣ не трудно сказать, въ которомъ году онъ умеръ...

— Посмотри въ „исторіи“...

Да ее заложили куда-то... Ищу, ищу и никакъ не найду.

— И я тебѣ ее искать не стану... „лѣто стояло жаркое“... Большой болванъ, и не знаетъ, когда умеръ Іоаннъ Третій.

— Да, вѣдь, и ты же, папочка, не знаешь.

— Тьфу!.. Ну, вотъ извольте съ его разговорами работать. Сиди и зубри! Нѣтъ исторіи, географію зубри!

— Папочка...

— Тьфу! Нѣтъ, вѣдь это просто каторга!...

Лучше уйти!.. Женья! Женья-я! Дай мнѣ мѣсто гдѣ-нибудь... Этотъ скверный мальчишка мнѣ своими разговорами работать не даетъ...

— Садись гдѣ хочешь...

— Опять: „гдѣ хочешь?“

— Да что жъ мнѣ съ тобой дѣлать: съ ребенкомъ ужъ не могъ усидѣть...

— Да пойми ты, что онъ мнѣ ни минуты покоя не даетъ.

— Садись въ столовую... Только тамъ сейчасъ полъ мыть начнутъ ..

— Это все равно для меня, лишь бы было мѣсто... Женья! Да тутъ студа нѣтъ...

— На, возьми, только отстань ты отъ насъ, пожалуйста.

— Вы ко мнѣ всѣ пристаєте, а не я!.. Ты, баба, зачѣмъ сюда прилѣзла?

— А полы, баринъ, мыть...

— Ну, и мой, что жъ ты пнемъ-то стала?

— А ты, рази, не уйдешь отселева?

— Не уйду. И не твое это вовсе дѣло. Тебя взяли полы мыть, ты и мой... Моешь?

— Начала, баринъ, начала ..

— Ну, вотъ и прекрасно. И я сейчасъ же свой разсказъ начну... „Лѣто стояло жаркое“... Ффу! Я думаю это лѣто совсѣмъ по боку. . Не сдѣлать ли завязку лучше зимой, а? Сдѣлаю! Это все вонъ и начну „зима 188* года стояла холодная...“.

— Баринъ, забрызгаю я тебя.

— Баба, ты мнѣ говоришь?

— Тебѣ.

— Что тебѣ отъ меня надо?

— Забрызгаю, говорю, уйди отселева...

— Да какъ ты смѣешь брызгать, дура этакая!

— Никакъ не опасешься... Или брызнешь, или лужу подъ тебя подведешь. . пересядь!

— Ну, вотъ извольте! только что сѣлъ и вдругъ не угодно ли съ мѣста долой! Тьфу! Мой, скверная баба!.. „Зима стояла холодная... однако слушай, ты... деревня! Ты осторожнѣе съ своей мочалкой-то обращайся, а то такъ ею по полу хлопаешь, что на столъ брызги летятъ... усердіе не по разуму! „Зима стояла холодная...“.

— Баринъ, уйди...

— Пошла вонъ!

— Уйди, тебѣ говорятъ, подмочу всего... въ лужѣ вѣдь сидишь-то погляди!

— У-у, рыло скверное! Тьфу!..

Перепелкинъ схватилъ бумагу, чернильницу, вскочилъ со стула и, поскользнувшись на мокромъ полу, растянулся въ самой граціозной позѣ. Взбѣшенный сочинитель быстро вскочилъ на ноги, поглядѣлъ на разбитую чернильницу, на плававшее въ лужѣ начало своего творенія, плюнулъ и выскочилъ изъ столовой...

— Что, Митя, иль и въ столовой не усидѣлъ?— справилась у него жена, встряхивая какую-то салфетку.

— Разбойницы! Провалиться бѣ вамъ всѣмъ